

Павел Нилин

Впервые
замужем

КоЛибри
Fiction

Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
Н66

Разработка серии и дизайн обложки Анастасии Ивановой

Нилин П.

Н66 Впервые замужем : сборник / П. Нилин. — М. : Издательство АЗБУКА: КоЛибри Fiction, 2026. — 480 с. — (Как мы жили. Лучшее в советской прозе).

ISBN 978-5-389-31432-0

Книги Павла Нилина давно стали классикой советской литературы. Начинал он как журналист, чем и объясняется внимание к деталям, к обычной жизни и быту самых обычных людей, которые его всегда искренне интересовали. Поэтому характеры его героев подлинные, яркие и до сих пор узнаваемые. Произведения Павла Нилина легли в основу известных фильмов Ивана Пырева, Константина Воинова и других режиссеров. В них снимались Фаина Раневская, Марк Бернес, Владимир Высоцкий, Олег Ефремов.

Повесть «Впервые замужем», давшая название сборнику, легла в основу культового фильма Иосифа Хейфица, главные роли в котором исполнили Евгения Глушенко и Николай Волков.

В основе сюжета — вечная тема: отношения отцов и детей, матери и дочери.

В прошлом бетонщица, а теперь уборщица в НИИ, Антонина приложила массу усилий, чтобы в одиночку воспитать и вырастить дочь. Каков итог? Молодость прошла, мечты не сбылись, личная жизнь не состоялась, а капризная и эгоистичная дочь выросла, но так и не повзрослела. Антонина же стала лишней в собственном доме. Она словно птица в клетке, из которой невозможно вырваться. Но Нилин дает своей героине шанс на счастье. Это не красивое, эффектное «киношное» счастье, а тихое, неприметное, но зато настоящее.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-389-31432-0

© Нилин П. Ф., наследники, 2025

© Оформление.

ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

КоЛибри Fiction

ВАРЯ ЛУГИНА И ЕЕ ПЕРВЫЙ МУЖ

1

В барабанщики обычно выбирают мальчиков.

Но Варя Лугина запротестовала. Она кричала, что это зажим.

И добилась своего — ее избрали в барабанщики.

Она ходила впереди отряда, закинув белокурую голову, гордая, самостоятельная девочка в коротком платице.

Из-под платица ее выглядывали загорелые, коричневые коленки в синих ссадинах и царапинах. Она ни в чем не уступала ребятам.

Зимой она каталась на коньках, командовала постройкой крепостей из снега. А летом плавала, лазала по крышам и даже играла в футбол с мальчишками.

Но в двадцать седьмом году, когда исполнилось ей двенадцать лет, она упала с качелей и сломала бедро.

Она вышла из больницы на костылях, похудевшая, бледная, угрюмая.

На Усачевке жалели ее:

— Командирша вышла в отставку.

Варя Лугина говорила:

— Посмотрим...

И когда можно было бросить костыли, она опять стала бегать. Она бегала теперь, припадая на левую ногу. Боли она не чувствовала и не хотела чувствовать себя калекой.

Она по-прежнему лазала по крышам, барабанила на пионерских сборах и старалась даже вернуть свое первенство по конькам. Она была решительная девочка.

И такой решительной она осталась на всю жизнь.

В семнадцать лет она выглядит как двадцатилетняя. У нее зеленые задумчивые глаза, белокурые косы, уложенные вокруг головы, очень стройная, крепкая фигура. Она по-прежнему чуть-чуть припадает на левую ногу.

Но это не так уж заметно теперь: она носит сапожки или туфли на высоких каблуках и в одну туфлю, в левую, подкладывает толстый подпятник.

В городе, на заводе, это, может быть, и следует делать. А в Сочи, на отдыхе, зачем же подпятник? Варя Лугина, приехав на отдых, сразу спрятала модные туфли в чемодан, надела шлепанцы и в синей майке, перекинув полотенце через плечо, пошла к морю.

Доктор встретил ее в кипарисовой аллее. Это был добрый пожилой доктор, из тех, что любят свою профессию. Он, прищурившись, посмотрел на девушку и участливо спросил:

— Это что же у вас такое... с ногой?

Варя Лугина покраснела.

— Ничего, — сказала она. — Пустяки. Это с детства...

— Вы бы все-таки зашли ко мне. Пустяки, пустяки, а может быть, вам и купаться нельзя...

Она зашла. Он внимательно осмотрел ее, выслушал сердце, легкие. Потом осторожно ощупал живот, ноги, особенно долго ощупывал левую ногу и наконец грустно покачал седеющей головой.

— Н-да, молодая леди... — сказал он после некоторого раздумья... — Купаться вам, конечно, можно. Купайтесь на здоровье. А вот это... как бы сказать... деток рожать вам, по-моему, будет очень трудно. Да...

Варя удивленно посмотрела на доктора. При чем тут дети? Ведь она не спрашивала его, можно ли ей рожать!

Вероятно, он принял ее за кого-то другого, все перепутал. Она готова была улыбнуться.

Но доктор, приподняв очки, изучающе посмотрел ей в глаза и молвил медленно, как бы намеренно растягивая слова:

— Видите ли, какая история. Из-за бедра у вас значительно искривлены и позвоночник, и вся область таза. — И, может быть, боясь, что девушка не поверит ему или еще, чего доброго, обидится, добавил: — Это, в сущности, не мое дело. Я здесь по общему наблюдению. Но я к тому же и гинеколог. Я понимаю...

Доктору, видимо, было нечего делать. В доме отдыха в большинстве жили здоровые люди, не нуждавшиеся в его помощи. И сейчас, пользуясь свободным временем и возможностью обнаружить знания, он с явным удовольствием и с особой стариковской обстоятельностью прочитал девушке пространную лекцию и о строении человеческого тела, и о деторождении, и о многом другом, что совсем не входило в его скромные обязанности курортного врача.

Варя теперь стояла перед ним растерянная, подавленная.

Никогда раньше она не думала по-настоящему ни о замужестве, ни о материнстве. Для нее это были далекие понятия, к ней не имевшие пока никакого отношения.

Ведь она даже не влюблялась ни разу, если не считать, что в школе была влюблена в учителя рисования — в длинные волосы его была влюблена и в белый галстук, завязанный пышный бантом. Но это было давно, в детстве, лет восемь назад. И любовь эта, детская, естественно, не предполагала ни замужества, ни материнства.

О материнстве она серьезно подумала только сейчас, встревоженная скучным шумом докторских слов. Значит, матерью она не может быть. Значит, у нее никогда не будет детей.

Вообще-то говоря, в этом нет ничего страшного. Ведь живут же на свете женщины, не способные стать матерями.

Но Варю такая мысль не могла успокоить. Не важно, станет ли она когда-нибудь матерью или нет. Важно чувствовать, что она может стать матерью.

Варя спросила робко:

— Неужели так навсегда? — И голос ее дрогнул.

— Операция, — сказал доктор, зажимая в зубах папиросу. — Я не скажу, что это будет легкая операция. Но только оперативным путем можно обеспечить вам деторождение. Вернуть, так сказать, эту способность. Впрочем, надо посоветоваться и с другими врачами...

На этом неожиданная лекция была окончена.

После лекции Варя пошла купаться. Но и купанье не могло прогнать плохого настроения. Настроение все ухудшалось.

Варя впервые и как-то особенно остро ощутила свое тело, кости, мышцы, которых раньше почти не замечала, не чувствовала, как, впрочем, не чувствуют их все здоровые люди. Она прислушивалась теперь к биению своего сердца, и ей казалось, что сердце у нее работает неправильно, бьется уж слишком учащенно.

Для нее всегда было привычно сознание, что она не хуже людей, что она — как все, что она здорова, нормальна, обыкновенна, и это сознание сближало ее с людьми, делало равными ее им и их ей.

И вот доктор поколебал это сознание.

Варя бродила по шоссе, сидела на вросшем в землю камне, лежала на желтой, спаленной солнцем траве, смотрела в небо и чувствовала себя одинокой.

А мимо проходили люди, проезжали по шоссе скрипучие арбы, шуршали шинами нарядные автомобили.

На волейбольной площадке, подбрасывая мяч, весело шумели парни, девушки.

Варя видела их из своего уединенного местечка, завидовала, но подойти к ним почему-то не решалась. Не могла себя заставить подойти.

В последующие дни она намеренно опаздывала и к завтраку, и к обеду, и к ужину, чтобы сидеть за столом одной. И отдыхающие составили о ней неправильное мнение, считая ее гордячкой, и сами стали обходить ее.

Варя заметила это, и настроение ее еще больше ухудшилось.

Наконец, на четвертый день, расстроившись окончательно, она собрала свои вещи, купила билет и поехала домой, в Москву. Отдохнуть не удалось.

Печальная, она лежала на второй полке вагона, смотрела в окно на море. И море наполняло ее еще большей печалью.

Под головой у нее увядали магнолии, распространяя удушливый, печальный запах.

Она лежала на второй полке, а напротив нее, тоже на второй полке, поместилась некрасивая, старая женщина. И Варя завидовала некрасивой женщине, не лишенной, вероятно, этой самой «способности», о которой говорил доктор.

— Простите, — сказала Варя, не узнавая собственного голоса, — простите, у вас были дети?

В вагонах вначале обычно спрашивают у незнакомых людей: «Далеко ли едете?», «Сколько времени?», «Не знаете ли, где тут будут торговать молоком?», «Нет ли у вас чайника?» Или говорят вдруг, вытирая шею носовым платком: «Жара-то какая... А? Дождик, наверно, будет...» А потом уже переходят к другим вопросам. Говорят о чем хочется.

Варя нарушила этот старинный порядок. Она заговорила о детях. И соседка охотно ответила:

— Дети — это вещь нехитрая. У меня их восемь было. Шесть живы, два померли. Ну, и уж этого я не говорю. То есть аборт...

— И аборт тоже были?

— Ну, а как же? В семейной жизни, дорогая моя, все бывает...

Женщина оказалась разговорчивой. Варя еще спросила:

— А не страшно... аборт?

— А чего же страшного? Неприятность, конечно. Все нутро как будто вынимают. Кричать другой раз приходится...

Варя замолчала. Опытная соседка осмотрела ее всю, как покупку, и в глазах ее, заспанных, мутных, блеснула ирония.

— Да вы чего, — спросила она, — с курорта, что ли, едете?

— Да. В доме отдыха была...

— А-а, — сказала соседка понимающе. И, помолчав, нравоучительно молвила: — Пугаться здесь, в общем, не приходится. У всякой женщины такое дело может выйти. Ему-то что! Он ушел — и все. А тебе беспокойство.

В другое время такое предположение оскорбило бы Варю. А сейчас ей даже приятно было, что соседка считает ее «способной».

Варя неопределенно сказала:

— Это верно, с одной стороны...

И отвернулась к стенке.

2

В Москву она приехала утром.

Искупалась в Москве-реке, позавтракала. И, сказав матери, что едет по делам, пошла в амбулаторию, к хирургу.

На другой день она уже лежала в клинике.

Первая операция прошла неудачно. Ей сделали вторую. Потом третью, четвертую. Операции были не из легких. Один раз она пролежала под наркозом около двух часов. В последний раз ее оперировали почти без наркоза. Это было особенно мучительно.

Варя в кровь искусала губы. Она не кричала. Она только морщилась и вздыхала. И профессор сказал:

— Вот это девушка. Это я понимаю.

Она пролежала в клинике весь свой отпуск и еще два месяца.

Под окнами проходила осень, шелестя бумажными листьями.

Больную навещали мать, и отчим Семен Дементич, и товарищи по работе.

Никто не знал, чем больна Варя, какие и зачем ей сделаны операции. Да и не многие, пожалуй, узнав об этом в подробностях, нашли бы ее поступок нормальным. Хотя и осуждать ее было не за что. Она так хотела. Она добивалась чего-то. И вот добровольно обрекла себя на муки.

Впрочем, люди, навещавшие ее, даже родственники, не подозревали и об этих муках. Они просто сочувствовали Варе, как всегда сочувствуют или должны сочувствовать здоровые больным, — приносили ей конфеты, яблоки.

Добряков приносил цветы:

— Я, понимаешь, сильно волнуюсь, Варя.

— Ты чудак, — говорила она. — Ну чего же тут волноваться? Я скоро поправлюсь. Еще одна небольшая операция — и я поправлюсь...

— Давно бы уж пора, Варя, — вздыхал Добряков.

— Тебе, может, надоело навещать меня?

— Ну для чего этот разговор, Варя? Я, напротив, с удовольствием, Варя...

Раньше он говорил ей «Лугина», а теперь «Варя».

Должно быть, он считал неудобным называть ее, больную, по фамилии. И Варя действительно не

походила теперь на Лугину, на такую немножко озорную, немножко заносчивую девушку.

Насмешливый огонек, всегда чуть заметно теплившийся в зеленых ее глазах, теперь погас. Она не хмурила больше длинных бровей и не смотрела исподлобья. Лежала кроткая, исхудавшая, укрытая белым и в белом этом одеянии очень красивая.

Добряков приходил к ней чисто выбритый, нарядный, каждый раз в новом галстуке, и неожиданно от него пахло духами. Он сообщал:

— Вышла новая книга. Автора я тебе сейчас не скажу. Я авторов никогда не помню. Очень интересная книга. Хочешь, я тебе принесу?..

— Какой у вас интересный супруг! — сказала про Добрякова соседка по палате. — И какой заботливый! На редкость.

— Он мне не супруг, — сказала Варя. — Он мне товарищ.

И ей было смешно представить его в роли своего супруга. Слово-то какое смешное: супруг!

Добряков приходил к Варе в клинику в самом деле как к товарищу по работе. Он и к парню, наверное, так же приходил бы. Цветов не носил бы, наверное. Но книги носил бы обязательно.

— Знаешь, Варя, я забыл тебе в прошлый раз сказать: Володьку-то Бисюгина сняли, — сообщил однажды Добряков.

Володька Бисюгин — это тот самый парень, который работал пока, вместо Вари, секретарем цеховой комсомольской ячейки. Он был кандидатом партии, Бисюгин. Его исключили из партии.

— За что?

— Ну это... вообще-то... не для больницы разговор, — покосился на соседок по палате Добряков. — Но вообще-то тебе надо поправляться, Варя. На заводе тебя все вспоминают. Жалеют, что ты лежишь. Жарков прямо рвет и мечет...

Добряков ушел. Пришел доктор.

— Ну, Лугина, скоро мы вас выпустим. Еще одна небольшая операция — и вы свободны...

— Нет, — сказала Варя, — не надо, доктор. Я и так уж залежалась. Я хочу выписаться...

Но все-таки ей пришлось пролежать в клинике еще целый месяц.

3

По заводу Варя Лугина ходила несколько дней, опираясь на палочку.

А потом опять стала бегать, будто это не она перенесла четыре серьезные операции и больше трех месяцев пролежала в больнице.

Она опять была секретарем цеховой комсомольской ячейки. И комсомольский группорг Добряков называл ее по-прежнему «Лугина».

Но однажды, в середине дня, он подошел к ней, немного сконфуженный, и сказал:

— Понимаешь, какое дело... У меня два билета к Вахтангову. Я хотел с одним парнем пойти. Он болен. Ты не пойдешь, Лугина?

Она деловито спросила:

— Деньги тебе когда отдавать за билет — сейчас или в получку?

— Да не надо мне, — сказал Добряков, покраснев. — Что я, торгую?

— Ну, а так я не пойду. Я тебе не барышня. Ты и в больницу мне сколько цветов перетаскал...

— Брось, брось! — сказал Добряков и покраснел еще сильнее.

Варя сказала:

— Ну ладно, пойдем. Чудак ты, ей-богу, Добряков.

И вот так всегда — она относилась к нему слегка покровительственно, слегка насмешливо.

Впрочем, она со всеми такая. И глаза у нее насмешливые.

Добрякову не нравился этот тон. Но девушка ему нравилась. Он не обиделся бы, если б сказали, что она умнее его, способнее. «Да, — сказал бы он про себя, — это верно».

Но только про себя. Публично признать это он не решился бы. Это оскорбительно для него.

Хотя Варю он любил именно за это. За то, что у нее есть какие-то качества, которых он сам лишен. Ему нравилась этакая ее напористость, самостоятельность. И даже насмешливость ее нравилась.

Не нравилось только, что она насмешливо относится и к нему. Но что делать?

Пригласив ее однажды в театр, он стал частенько приглашать ее в цирк, в кино. И она ходила с ним. Но не разрешала брать ее под руку.

— Я тебе не барышня.

И так прошла зима.

Весной они часто вместе катались на пароходу по Москве-реке. Иногда бродили по Ленинским горам.

Это было как в детстве, увлекательно и немножко страшно. Они забирались в самые таинственные уголки, где трава еще не измята дачниками. Они первые

мяли эту первую весеннюю траву, бегали, лежали под деревьями, подстелив газеты.

Добряков вот так, лежа под деревом и задумчиво глядя в небо, однажды сказал:

— Знаешь, Лугина... Я тебя даже во сне другой раз вижу.

Варя сказала без восторга и почти грустно:

— Я тебя тоже, Добряков. Ты хороший. Или я ошибаюсь...

И, грустная, она погладила его по голове, потом по лицу.

Добряков не шевелился. Он лежал как оглушенный, чуть наклонившись к девушке. А когда она перестала его гладить, он сказал:

— Знаешь, Варя, это место, где мы сейчас находимся, очень историческое. Здесь, говорят, Наполеон стоял, на Москву смотрел...

— Пусть, — сказала Варя с безразличием, которое могло бы оскорбить Добрякова.

Но он не оскорбился. Забыл о Наполеоне тотчас же. Неожиданно он вскочил на ноги и закричал:

— Знаешь, Варя, что сделаем?

Варя испуганно посмотрела на него.

Не придумав ничего, Добряков наклонился к ее уху и прошептал что-то ласковое тихо-тихо, чтобы не слышал никто, никто...

— Ох, и идиот! — сказала Варя. Но опять погладила его по золотистым волосам, по лицу и притянула к себе.

Добряков все еще не знал, можно ли ему поцеловать Варю. А вдруг обидится?

Она первая поцеловала его.

Стало как-то тепло. Даже жарко стало.

Добряков хотел расстегнуть воротник и в запальчивости необыкновенной оторвал три пуговицы.

Потом Варя аккуратно заколола ему воротник своей английской булавкой. И они пили сидро в маленькой кофейне на пристани.

Варя объяснила, почему она пока против официального брака. Она — секретарь, а он — группорг. В одном цехе. Будут говорить — кумовство. А потом, если даже официально жениться, где же они будут жить, женатые?

— Ведь у тебя отдельной комнаты пока нет? Нет. И у меня нет...

Варя Лугина жила в одной комнате с матерью и отчимом.

Это была большая комната, высокая, светлая, но проходная. Через нее проходили жильцы всей квартиры.

Жизнь этой комнаты была открыта для всех.

Варин отчим, Семен Дементьич, говорил упрямому с обычной своей игривостью:

— Я, как лицо мужского рода, не очень-то стесняюсь. Пожалуйста. Я вроде привык. А для женщин, для семейной жизни, эта площадь кругом неудобная. Ни переодеться, ни другое чего сделать. Я даже так скажу — я под влиянием этой площади в актеры пошел, чтобы лишнее время не сидеть дома. Надо же человеку куда-нибудь деваться.

И это походило на правду.

После работы в гараже, по вечерам, Семен Дементьич уходил в клуб. Виновата ли была неудобная комната или просто в пожилом человеке, в ремонтёре автомашин, вспыхнула неутоленная страсть к театральному действию — неизвестно. Но он и впрямь «пошел в актеры» и чуть ли не каждый вечер, до часу ночи, проводил в клубе.

Дома обычно сидела только его жена, Варина мама.

Варя же приходила домой после занятий на курсах, в девять вечера, и сейчас же ложилась спать. Она спала до четырех утра.

А в четыре часа, когда спит еще весь дом, она просыпалась и, пользуясь тишиной, готовилась к следующим занятиям на курсах. Она собиралась поступать в институт.

В эти же предутренние часы она подготавливала задания Добрякову и другим группоргам.

И так они жили — Варя, Варин отчим и мать.

Жизнь эта в проходной комнате не сильно огорчала их. Они спокойно работали, думали, учились и надеялись на лучшее. Ничего не поделаешь. В Москве пока тесно.

Управдом говорил:

— Вы представляете, я сам, собственно говоря, живу в клетушке.

4

В Москве была осень, сухая, безветренная. Хорошая, теплая осень. Варя Лугина шла с Добряковым под руку по Парку имени Горького, по свежеепавшим листьям.

Добряков рисовал увлекательную картину. Он теперь уже не группорг. Его перевели в другой цех. Он теперь опять просто токарь, так что Варя может не думать, что их кто-то заподозрит в кумовстве. Они могут жить вместе, тем более что начальник цеха обещал выхлопотать комнату Добрякову.

Это будет большая комната, метров на тридцать, как он думает. Он видел уже эту комнату в новом

доме. Если Варя хочет, пусть берет к себе мать и отца. Они будут жить все вместе. Он одинокий человек, Добряков. Он давно уже живет на койке. А теперь он будет жить в семье.

— Я думаю, Варя, что нам надо зарегистрироваться. Будем жить как люди. Вдруг ребенок...

— Уже, — сказала Варя и опустила глаза. — Я чувствую...

Добряков в одну минуту переменялся. Он стал серьезнее в эту минуту. Добряков поцеловал жену в висок и сказал деловито:

— Только ты не бегай, Варя...

И потом много раз он повторял эту просьбу. Говорил он с нежностью, с еле заметным волнением. Казалось, его нельзя заподозрить ни в чем. Но Варя заподозрила. Она спросила:

— В чем дело? Мне не бегать нельзя. Я работаю. И это мне не вредно. Чего же ты волнуешься?

И Добряков доступно объяснил:

— Я как тебя увижу с чужими парнями, у меня даже сердце как-то не в порядке... Я не могу...

— Какие же они чужие? — наивно сказала Варя. — Они же комсомольцы! Я должна с ними разговаривать.

— Все равно, — сказал Добряков, — я страдаю...

Варя засмеялась.

Она не могла привыкнуть не смеяться над мужем. Она всегда смеялась. Правда, беззлобно, любя.

Но Добрякова эти чуть заметные насмешки раздражали все больше.

Этот смех, казалось ему, разделяет их. Он не чувствует, что жена близка ему, что она под веселую руку не высмеет его когда-нибудь и при посторонних людях.

И если раньше ему нравилась ее самостоятельность, то теперь эта самостоятельность угнетала его.

Добряков сказал однажды:

— Я не чувствую, что я женатый. Я как будто замужем. Ты не слушаешь меня.

— А что слушать? Говори — буду слушать...

Она опять смеялась. А он все мрачнел. И мрачно сказал:

— Я же тебе говорю — не бегай. Не разговаривай с другими парнями...

— Да ты что, с ума сошел, что ли? Я работать должна...

— А я говорю — не надо. Можно и не работать в крайнем случае. Я и сам хорошо получаю.

— Вот так так! — сказала Варя. — И это называется комсомолец, бывший группорг! Да таких из комсомола надо исключать.

— Исключай! — закричал вдруг Добряков. — А я тебе говорю — не бегай! Я тебе приказываю...

— Вот как? — удивленно протянула Варя. — Да ты, оказывается, строгий муж! Чего доброго, ты бить меня начнешь...

— А ты не выводи из терпения...

Помолчали.

— Ну ладно, — сказала Варя, — брось дурака валять! Что это за новости? Мы с тобой комсомольцы, Васюк. Получается, что ты меня ревнуешь...

— Не ревную, — сказал Добряков, — а просто не хочу. Я тебе муж. При чем тут ревность?

Этого последнего слова он боялся. Это страшное слово. Это только мещане могут ревновать. А он не мещанин. Он комсомолец. И он просто хочет, чтобы жена любила его так же, как любит он ее.

В новом доме наконец ему дали комнату. Довольно большую. Не тридцать метров, но двадцать четыре. Добряков купил шкаф, тахту и кровать. Надо купить еще стулья.

Варя сказала:

— У тебя больше денег нет. Я вот получу, и купим остальное. Будет все вместе...

Добряков сказал:

— Не надо. Я в кассе взаимопомощи получу...

Вышло это у него немножко грубовато. И он поправился:

— Зачем же, Варя, ты свои деньги будешь тратить? Тебе одеться надо. Я жалею, что не могу тебе сейчас чего-нибудь купить...

Добряков был ласков. Но план у него был неумолимый. Он хотел быть полным хозяином в своей комнате. И говорить по-хозяйски: «Я велел, я велю...»

Этот тон он усвоил сразу же, как жена сказала ему о беременности. Он уже тогда понял, что девушка эта, слегка заносчивая и не в меру гордая, чье внимание заслужить он считал еще недавно недостижимой мечтой, завоевана теперь им окончательно. Он не сказал этого даже самому себе. Но он чувствовал это.

И вот она поднимается по лестнице в его дом, в его комнату. А он стоит в кухне у окна и видит ее. Он очень счастлив сейчас.

Это поднимается по лестнице жена, мать его будущего ребенка, его любимая девушка. Этой девушкой гордится весь завод.

А он, Добряков, ее муж. Он тоже не олух. Он способный человек. Его уважают на заводе. Ему дали комнату. Большую, светлую. Два окна, центральное отопление, газ, ванна. Не всякому дают такие

Литературно-художественное издание
Әдеби-көркем басылым

НИЛИН Павел

ВПЕРВЫЕ ЗАМУЖЕМ

Ответственный редактор *А. Волкова*

Технический редактор *Л. Синицына*

Корректоры *О. Ануфриева, П. Шевнина*

Верстка *В. Демин*

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 16.12.2025.
Формат 84 × 108¹/₃₂ Гарнитура «Petersburg». Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 25,2..

Тираж 3000 экз. Т-HWL-40676-01-R. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА»	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ
обладатель товарного знака Азбука	Азбука тауар белгісінің иесі
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қаласындағы
в г. Санкт-Петербурге	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А	Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел.: (812) 327-04-55	Тел.: (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России. Ресейде басып шығарылған.

Сведения о подтверждении соответствия издания
согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить
по адресу: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

